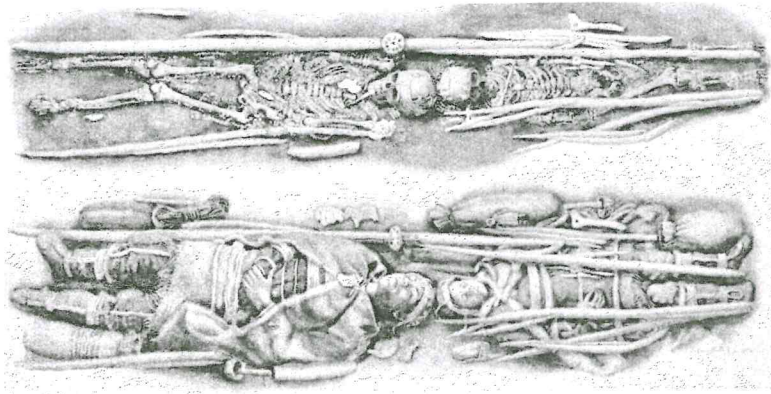

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА
ИНТЕРПРЕТАЦИЮ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА**

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва 2016

дивших составной частью в сооружения явно культового назначения (глиняные жертвенники на Бельском, Кнышевском, Кировском городищах, жертвенные ямы на Мотронинском городище). Есть и те, кто склонен трактовать как свидетельство соответствующего обряда сам факт обнаружения черепов (А.В. Гейко, И.Н. Кулатова, А.П. Медведев). В отдельных случаях теория о жертвоприношениях подкреплялась антропологическим анализом находок (А.В. Артемьев, А.Д. Козак). В целом, ее сторонники продемонстрировали важную роль краниологических останков в культовой практике лесостепного населения. Однако вопрос о самом существовании в земледельческих обществах кровавых обрядов остается открытым. Не прояснены и обстоятельства попадания посткраниальных частей скелетов в сооружения и в почвенные напластования бытовых памятников.

Появление таких останков на поселениях является следствием военных конфликтов – такова точка зрения довольно многочисленной группы археологов (Ю.В. Болтрик, П.Я. Гавриш, А.П. Медведев, В.Е. Радзиевская, Е.Е. Фиалко, П.И. Хавлюк). Нужно отдать должное исследователям, которые в реконструкциях событий прошлого упор, как правило, делают на более или менее явные свидетельства вооруженных столкновений. При этом сами антропологические материалы ими анализируются поверхностно. Создается впечатление, что для авторов они служат не самостоятельным источником, а скорее иллюстрацией сформулированных выводов. Так, в соответствующих публикациях не объясняются малочисленность костных находок при значительных вскрытых площадях памятника (например, на Трахтемировском городище), совместное захоронение полных костяков и отдельных частей скелетов, а также целенаправленное помещение разрозненных костей в постройки или хозяйственные ямы (как это многократно зафиксировано на Коломакском и Семилукском городищах).

Еще одна гипотеза, сформулированная относительно недавно (Д.С. Гречко, Ю.Д. Разуваев), увязывает костные останки с погребальными обычаями обитателей поселений, которые могли включать выставление трупов. Нужно сказать, что и она основана на косвенных данных (наличие погрызенных хищниками костей, длительное пребывание частей скелета вне грунта, существование своего рода ям-хранилищ человеческих останков). Суждение о применении труповывставлений высказано в рамках развиваемой авторами концепции о многообразии погребальных традиций оседлого населения Лесостепной Скифии. Представления о существовании разнообразных похоронных обрядов у восточноевропейских народов скифской эпохи сейчас получают все большее распространение среди специалистов.

Наличие различных интерпретационных теорий связано, прежде всего, с ограниченными информативными возможностями рассматриваемых материалов. Причины появления человеческих костей на поселениях вряд ли однозначны, в каждом конкретном случае могли быть обусловлены особыми обстоятельствами. Тем не менее, становится все более очевидным, что эти находки отнюдь не случайное явление, а важный источник сведений о самых разных аспектах жизни оседлого населения скифской лесостепи, заслуживающий более пристального, нежели до сих пор, внимания.

Е.А. Рыбина (МГУ, Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

В этом году исполнилось 65 лет со дня находки первой берестяной грамоты. Кроме Новгорода грамоты найдены еще в 11 древнерусских городах: Старая Русса, Торжок, Смоленск, Псков, Тверь, Москва, Вологда, Старая Рязань, Звенигород Галицкий, Витебск и Мстиславль. Всего к настоящему времени (на октябрь 2016 г.) известно 1089 грамот из Новгорода и 105 из других городов.

За прошедшие десятилетия создалась большая библиотека, состоящая из книг и статей, посвященных изучению берестяных грамот, по которым можно проследить, как развивались лингвистическая и историческая интерпретация грамот.

Для надежной интерпретации содержания грамоты и выявления ее информационного потенциала как исторического источника прежде всего необходимо, чтобы текст грамоты был правильно разделен на слова, были объяснены все грамматические формы, однозначно поняты и переведены содержащиеся в грамоте термины и слова, а также определена графико-орфографическая система. Без предварительного лингвистического анализа историк нередко понимает лишь общее содержание грамоты, и то не всегда верно.

Берестяные грамоты изначально вызвали живой интерес у филологов и лингвистов. Из находок 1951–1952 гг. они проанализировали 25 грамот, тексты которых позволяли провести палеографический и лингвистический анализ. Авторы вышедшего в 1955 г. сборника (Палеографический, 1955) отметили, что ценность грамот для историка языка состоит в том, что в них сохранился живой разговорный язык, практически не отраженный в традиционных письменных источниках. Отмечая важность стратиграфической датировки, решающее значение филологи придавали палеографии, которая заметно отличалась от книжной. Особое значение языковеды придавали лингвистике и отметили существенную разницу между книжным и берестяным письмом. На основании разницы в палеографии и лингвистике они передатировали многие грамоты более чем на 50 лет, а иногда и на 100 лет. Кроме того историки языка отмечали многочисленные грамматические и синтаксические ошибки в берестяных грамотах, что дало основание считать авторов текстов на бересте недостаточно грамотными людьми. Грамоты на бересте перестали интересовать лингвистов, поскольку с их точки зрения, они не добавляли ничего нового для изучения языка.

Историки по мере накопления фонда берестяных грамот, ежегодно пополнявшегося новыми находками, напротив утвердились во мнении, что тексты на бересте являются новым видом письменных источников. В 1965 г. вышло первое издание книги В.Л.Янина «Я послал тебе бересту», в которой впервые грамоты стали источником для рассказа о новгородской истории, о новгородских посадниках и простых горожанах (Янин, 1965). Здесь впервые была продемонстрирована неразрывная связь грамот с археологическим комплексом, откуда они происходят, и значение грамот для персонификации усадеб.

Событием в изучении грамот стала книга выдающегося историка Л.В. Черепнина (1969), в которой грамоты были сгруппированы по разделам, каждый из которых характеризовал ту или иную сферу средневекового общества: земля и земельные собственности, крестьяне и холопы, дань, феодальная рента, суд и судопроизводство и др.

В 1970-е гг. начался процесс уточнения чтения грамот и их интерпретации, который продолжается до сих пор. В результате содержание ряда грамот кардинально изменилось, а многие тексты были уточнены.

Качественно новый этап в изучении берестяных грамот связан с именем выдающегося лингвиста А.А. Зализняка, который в начале 1980-х гг. занялся лингвистическим изучением текстов на бересте. Это привело к многочисленным поправкам в чтении и комментариях текстов ранее найденных берестяных грамот, к выявлению многих особенностей древненовгородского диалекта и раскрытию его своеобразия (Зализняк, 2004). В свою очередь это стало базой для основополагающих исторических выводов о заселении Новгородской земли, а также о развитии древнерусского языка. Исключительным по своему значению для характеристики и интерпретации берестяных писем является выявленное А.А. Зализняком существование бытового письма, графико-орфографическая система которого заметно отличалась от книжной, что собственно и стало причиной распространения в среде лингвистов мнения о малограмотности авторов берестяных грамот.

По мере накопления берестяных грамот расширяются возможности для идентификации упоминаемых в них персонажей и, следовательно, для характеристики усадеб, на территории которых грамоты были найдены. Существует несколько способов идентификации:

1. Сопоставление с историческими лицами (по летописям и другим письменным источникам).
2. Взаимоотношения имен в грамотах одной усадьбы или соседних усадеб одного хронологического уровня.

3. По почерку.

Для надежной исторической интерпретации грамот большое значение имеет обращение к ним не только историков, но и географов, искусствоведов, юристов и др.

Зализняк А.А., 2004. Древненовгородский диалект. Изд. 2-ое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 215 с.

Черепнин Л.В., 1969. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука. 438 с.

Янин В.Л., 1965. Я послал тебе бересту. М.: Изд-во Московского ун-та. 192 с.

Н.Н. Серегин (АлтГУ, Барнаул)

ГЕНЕЗИС АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЯ: ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Исследование процессов формирования культуры и этноса раннесредневековых тюрок Центральной Азии традиционно привлекает пристальное внимание специалистов различных областей знания. Рассмотрение комплекса вопросов в рамках обозначенной тематики имеет большое значение не только для изучения конкретной общности, но также для реконструкции исторических судеб многих народов Евразии. Долгое время процессы сложения этноса и культуры раннесредневековых тюрок исследовались, главным образом, на основе материалов письменных источников (Кляшторный, 1965; Гумилев, 2002, с. 20–30; и др.). Однако, очевидная фрагментарность таких сведений по начальным этапам истории кочевников и низкая степень вероятности появления новых документов определяют важность анализа и комплексной интерпретации результатов раскопок археологических памятников.

Многие исследователи обращали внимание на присутствие в культуре тюрок ряда компонентов, характерных для населения предшествующего периода. При этом в большинстве исследований приводятся наблюдения, сделанные на основе сопоставления археологических материалов Алтая раннего средневековья (тюркская культура) и хунноско-сяньбийского времени (булан-кобинская культура). В числе распространенных тезисов, представленных в научной литературе, следует назвать утверждение о наличии элементов преемственности в различных компонентах материальной культуры, а также отдельных показателях погребального обряда.

Весьма распространенным доводом в пользу тесной связи булан-кобинской и тюркской культур является длительное существование на территории Алтая традиции погребения человека с лошастью. Наиболее последовательно генетическую преемственность между населением рассматриваемого региона начиная с раннескифского времени обосновал В.А. Могильников (1995). Подобные замечания высказывались ранее (Гаврилова, 1965, с. 57; Савинов, 1984, с. 29) и остаются популярными до последнего времени (Соенов, 2007, с. 18). Данный тезис был конкретизирован в диссертации Ю.Т. Мамадакова (1990, с. 18–19), среди задач которой было обозначение связи между «булан-кобинскими и тюркскими традициями». Автор указанной работы на материалах могильника Улита отметил появление в рамках булан-кобинской культуры обычая погребения с лошастью, развитие которого относится к периоду раннего средневековья. К сожалению, результаты раскопок обозначенного некрополя так и не введены в научный оборот, хотя неоднократно упоминались археологом (Мамадаков, 1990, с. 16–17).

Отметим, что утверждение о преемственности традиции погребения человека с конем в раннем железном веке – раннем средневековье не подкреплялось развернутой аргументацией, а сводилось к простой констатации схожести одного из компонентов погреб-